

Улэйжо стоял на лугу, греясь на солнце, мрачно глядя на пасущихся вдалеке коров и овец. Неужели Яньчжи вспомнила?

Чжужигэ с любопытством смотрела на высокую фигуру купца за пределами палатки. Вчера он был грязным и вонючим, но после умывания оказался таким красивым мужчиной, словно принц.

Красавец до вечера продолжал дуться. Пастухи сердечно пригласили их на ужин. Улэйжо немного погрелся у костра, а затем зашёл в палатку, чтобы позаботиться о Красавце.

Красавец пил горячий молочный чай и ел ароматные лепёшки с бараниной, недовольно сказал:

— Почему ты не остался у костра?

Улэйжо ответил:

— Мне не холодно, я зашёл, чтобы составить тебе компанию.

Красавец закатил глаза и пробормотал:

— Видишь кого-то и сразу влюбляешься. Как только рожу, мы разведёмся.

— Что ты сказал?

— Ничего, уйди, не мешай мне.

Улэйжо почувствовал горечь. Он явно услышал слова «разведёмся». Ему казалось, что Яньчжи не любит его, презирает, даже больше, чем его отец. Он не понимал, что с ним происходит, но чувствовал себя ужасно несчастным. Видя, как Яньчжи презирает его, он испытывал глубокую печаль.

Он снова мрачно вышел к костру, чтобы поговорить с пастухами. Эта пара была очень простодушной, их дочь также была доброй. Видя, что он и его жена не ладят, она старалась его утешить. Мать Чжужигэ сказала:

— Когда я была беременна Чжужигэ, я тоже часто злилась, видеть Цзида мне было неприятно. Он храпел громче коровы по ночам, и я не могла спать...

Бородатый Цзида добродушно рассмеялся, Чжужигэ тоже засмеялась. Улэйжо улыбнулся, глядя на эту пару, и подумал: интересно, храпит ли его отец и как Яньчжи это выносил. Его мысли невольно вернулись к беременному мужчине в палатке, и он даже пожелал, чтобы время замедлилось, чтобы он мог провести с ним больше времени.

Вечером Цзида действительно храпел так, что дрожала палатка. Внутри было тесно: семья Чжужигэ спала с одной стороны, а Красавец и Улэйжо — с другой. Красавец ворочался, не мог заснуть, раздражённый храпом. Улэйжо мягко прикрыл его уши, успокаивая:

— Спи, потерпи.

Красавец прижался головой к его груди, обняв его за талию. Улэйжо почувствовал волнение, не удержался и мягко поцеловал его. Красавец открыл губы, позволив ему целовать себя, полностью приняв его как мужа, и его пальцы осторожно скользнули к его штанам, желая тайком помочь ему. Улэйжо нервно остановил его руку, показывая, что рядом есть люди. Красавец, обнятый им, сердито заснул.

Дни, проведённые в доме Цзида, были беззаботными и лёгкими. Улэйжо не думал о том, что ждёт его после возвращения в царский двор, каждый день заботясь о Красавце, а днём помогал Цзида пасти овец. Он гнал стадо на холм, издали увидев лагерь хуннских всадников, и молча вернулся. Цзида и его жена очень любили его, Чжужигэ тоже нравилось слушать его рассказы о торговле на Западе.

Услышав, что он был в Лояне, Чжужигэ проявила ещё больше восхищения и с любопытством спросила:

— Чаган, ты видел императора династии Хань? Говорят, он самый красивый мужчина в Центральных равнинах.

Улэйжо, как и его брат, с презрением ответил:

— Уродливый, ни в какое сравнение не идёт с нами, хунну.

Чжужигэ моргнула, не зная, верить ли ему. Улэйжо продолжал ругать Ханьского императора, заставляя Чжужигэ сомневаться, и она тоже начала презирать его. Красавец, выйдя на прогулку, увидел, как Улэйжо и Чжужигэ сидят у палатки и разговаривают, и снова разозлился, крикнул:

— Чаган!

Улэйжо нервно обернулся, увидев Красавца с мрачным лицом, одной рукой на бёдре, другой держа живот, как самая свирепая женщина, ругая его:

— Ты опять везде флиртуешь!

Красавец злился, видя, что его «муж» близок с Чжужигэ, каждый день не давая ему покоя, ругая, что он, будучи беременным, всё равно не успокаивается, и требовал немедленно вернуться, чтобы развестись. Улэйжо устал его успокаивать, чувствуя, что он ему совсем не нравится.

На следующий день Чжужигэ тихо сказала ему:

— Чаган, ты правда собираешься развестись с женой?

Женщины степи всегда были открытыми. Чжужигэ нравился Чаган, и её родители тоже его любили. Если он действительно не ладит с женой, она готова быть с ним.

Улэйжо был шокирован: он воспринимал Чжужигэ как сестру, у него была «жена», и он не мог думать о ком-то ещё. Он прямо отказал ей. Чжужигэ почувствовала себя обиженной и перестала с ним разговаривать.

Живот Красавца всё же не выдержал: он слишком много пережил, пройдя путь от Лояна до Запада, затем до Усуня и, наконец, до хунну. Ребёнок родился на девятом месяце. Утром, умываясь в палатке, он вдруг упал на колени, почувствовав схватки. Чжужигэ и её мать остались дома, а Улэйжо и Цзида ушли пасти овец.

Мать Чжужигэ, Хасан, имела опыт родов, быстро нагрела воду и послала Чжужигэ передать сообщение, чтобы муж Красавца немедленно вернулся.

Чжужигэ села на кобылу и галопом поскакала к холму, где пасли овец, крича Улэйжо:

— Чаган, возвращайся! Твоя жена рожает!

Улэйжо, который как раз разговаривал с Цзида на лошади, не закончив фразу, немедленно помчался обратно.

Красавец рожал целый день, едва не потеряв половину жизни. Из-за долгого сидения он был слаб, терял сознание от боли и снова приходил в себя, выпив чашку овечьего молока, чтобы сохранить силы.

Улэйжо всё время был рядом с ним, покрытый холодным потом, боясь, что тот не выдержит и умрёт.

Когда из палатки раздался громкий крик младенца, все вздохнули с облегчением. За пределами палатки начал падать лёгкий снег, стемнело, и группа всадников, ведомая Цзида, подошла к их дому. Улэйжо перед отъездом передал Цзида свой кинжал как знак, чтобы тот вызвал военного врача.

Чжужигэ, увидев, как большая группа всадников окружила палатку, сильно испугалась, а когда их предводитель спешил и встал на колени перед Улэйжо, отдавая честь, она была в шоке.

Предводитель всадников обратился к Улэйжо:

— Правый князь Туци.

Оказалось, он действительно был принцем.

Всадники окружили палатку. Хасан и Чжужигэ были напуганы, Цзида тоже не ожидал, что Улэйжо — это благородный Правый князь Туци. Улэйжо не стал их тревожить, попросив помочь заботиться о его жене.

Красавец, родив ребёнка, проспал целый день. Улэйжо всё время был рядом. Предводитель всадников подтвердил личность Правого князя Туци и послал гонца в лагерь, откуда прибыло больше всадников, всего около десяти тысяч. К востоку от Усуня, на западе хунну, это была его территория, где он был высшим правителем после Фуло, шаньюя.

Красавец проснулся, увидев, как его «муж» держит ребёнка, нежно кормя его овечьим молоком. Родилась девочка, маленькая, красная, с морщинистым лицом, худенькая и крошечная. Красавец, с повязкой на лбу с вышитыми узорами удачи, бледный и слабый, прошептал:

— Чаган...

Улэйжо тут же наклонился с дочерью, чтобы услышать его. Красавец спросил:

— Ребёнок здоров?

Улэйжо ответил:

— Всё хорошо, только что накормил, посмотри.

Улэйжо показал ему дочь. Красавец, увидев маленькую красную девочку, заплакал. Улэйжо вытер его слёзы, успокаивая:

— Почему плачешь? Ребёнок здоров, и ты тоже.

Рождение этого ребёнка принесло много страданий. Красавец чувствовал себя несчастным, даже когда «муж» был рядом, его сердце было переполнено грустью. Он смотрел на дочь, сладко спящую с закрытыми глазами, и слёзы текли всё сильнее. Улэйжо с нежностью поцеловал его в лоб, ласково сказав:

— Давай ты дашь ей имя.

— Ли'эр, пусть будет Ли'эр.

Он не знал почему, но хотел дать именно это имя — Ли'эр, Ли'эр.

Улэйжо, глядя на Чжао Ли'эр, тихо вздохнул.

На четвёртый день после родов Улэйжо решил отвезти Красавца в ближайший военный лагерь. Семья Цзида боялась его, но не хотела отпускать. Улэйжо наградил их золотыми слитками, поблагодарил и уехал с Красавцем и ребёнком.

Красавец и ребёнок лежали в воловьей повозке. Увидев вокруг множество всадников, чернеющих вдалеке, он с удивлением спросил Улэйжо:

— Чаган, ты опять натворил что-то?

Улэйжо, будучи отчитанным при подчинённых, смутился, погладил его по щеке и успокоил:

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16253/1462131>